



ОТ АВТОРА.

Этот сценарий написан для режиссера Виктора Трегубовича, как своего рода продолжение нашего фильма «Прохиндида-2, или Бег на месте», снятого в 1984 году, — с теми же персонажами (я, понятно, в исполнении тех же актеров) — в тех же обстоятельствах, девять лет спустя. Мы полагали, что тема прохиндея и прохиндейства, да просто жизнь наших прежних героев может иметь занимательное продолжение в сегодняшнем дне. Напомним, что наш тогдашний Александр Александрович — А. Калыгин — не был объектом, так сказать, сатирического осмеяния, а скорее привлекал удивление и сочувствие — этот «ведущий колобок», который испечен из сегодняшнего воздуха, из злобы дня, как определил тогда мудрый критик. Тем менее мы собирались «осудить» его сегодня, и термин «прохиндида», как мы думали, относится больше к самой жизни, к «воздуху», нежели к отдельным личностям.

Так случилось, что мой друг и любимый режиссер, с которым сделали худо-бедно три картины и собирались начинать четвертую, умер внезапной смертью, в результате несчастного случая, 57 лет от роду, здоровый, полный сил, запрограммированный, как нам всем казалось, на две жизни.

Он жадно жил, он быстро снимал, чуть ли не по сто метров в

Никто не знает своей судьбы. При выходе из ресторана Александр Александрович был схвачен неизвестными лицами.

Произошло это так. Его окликнули. По имени-отчеству. Он оглянулся: стояли в ряд машины. Одна из них — с приоткрытыми дверцами. Звали наверняка оттуда. Какие-то незнакомые люди, как убедился Александр Александрович, подошли. И эта беспечность ему дорого стоила: в тот же момент он оказался в машине. Чьи-то руки втащили его, чьи-то подтолкнули, плотный мужик, потеснив, уселся рядом, и машина рванула с места — все сразу, в одно мгновение, средь бела дня.

— Тихо! — предупредил грубый голос. Сказать, что Александр Александрович не растерялся, было бы преувеличением. Растерялся. Но и не так, чтобы лишиться энергии и сопротивления.

Руки были крепко зажаты, оставался язык. — Ребята, вы что? — уже мирным голосом, не теряя присутствия духа и, как всегда, веря в благополучный исход, заговорил Александр Александрович. — Во-первых, куда мы едем? Во-вторых, с какой целью? Отпустите руки!

Но машина уже остановилась, и тот, что справа, вышел, а тот, что слева, подтолкнул пленника: — Выходи. Молчок. Вперед. — И ткнул в бок чем-то твердым. Пистолетом, скорее всего.

Вот так, у всех на виду, Александр Александрович был выведен из машины, взят под руку и доставлен на четвертый этаж обыкновенного жилого дома, в двухкомнатную квартиру — с диваном, книгами, телевизором, пианино, все обыкновенное, кроме того, что был он здесь не в гостях, а в плену.

— Руки поднимите, — сказал тот, что был справа, видимо, старший.

Обыскили. Оружия не оказалось. Денег — какая-то мелочь. Брелок с ключами. — Что ж вы у нас такой бедный? Садитесь давайте. За стол.

— За стол переговоров, — все еще шутил Александр Александрович. — Ребята, — взмолился он, — нет у меня миллионов!

— Как так нет? А куда ж вы их дели?

— Ребята, у меня их и не было! Это так, слухи, мистика! Можете проверить!

Анатолий ГРЕБНЕВ

ПРОХИНДИДА-2

ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ



законченное высшее. И должность — старший специалист. Вас самого это не смущает? — В другом эпизоде новый директор был еще более определен: «Я как раз решил не увеличивать штаты, а их сократить... Пусть пять человек, но чтобы были такие же активные, как вы!» — «Думаете?» — «Да. Хотя лично вы мне, честно говоря, не нужны». «Не нужен?» — «Нет». «Нужен. Я вам нужен?» — настаивал Александр Александрович. «Нет» — упорствовал директор. «Да!» — «Нет!» — «Да!» — не уступал Александр Александрович. «Я нужен! Нужен тебе! Нужен всем! Вы меня еще позвete!» — Скорее всего, это вспоминал сейчас и сам Александр Александрович, махнув на диване, как на торжественных парах, в комнату, которая была его удилищем. Как и положено узнику, он успел обрести бородой. Кроме дивана, в комнате был еще телевизор, а рядом кухня с плитой, на которой они с надзирателем готовили себе пищу. Надзиратель, если так можно назвать современного культуранного молодого человека в брюках, бананах и майке на волосатом теле, был приветлив или, скажем так, лоялен, никакого оружия, книжка в руках. Он, надо полагать, тоже смучал. Александр Александрович уже успел рассказать ему свою жизнь и, конечно, пополю с Виктором Викторовичем. Сейчас, вспоминая вышеупомянутую сцену, прокомментировал ее так: — Прямо как чувствовал, что мы еще встретимся. Но уж, конечно, не таким образом. Был нормальный советский интеллигент, можешь мне поверить. С партабилетом. Интересно, куда он его занузырил! — Туда же, куда и все, — отвечал Паша. — Есть не хотите? — Нет. Я думаю, придется объявлять голодовку. — Вы тогда скажете. Надо будет бороться. — Зачем еще! — А как жел! Питье. Полагается, если вы в курсе. — Так они и жили в своем заточении. Был еще и телевизор. Утром — последние известия, днем — знаменитый сериал, вечером — «Вести».

«ЭС»

Иногда Александр Александрович делал еще зарядку. Паша наблюдал одобрительно: — Вот это правильно. Мы, я помню, в Бутырках тоже занимались. Один старый вор со мной в камере. Уж на что они со своим законом — работать ни в какую и общаться тоже не с каждым, а зарядку — это да, святое дело. От застоя крови.

Вообще-то Паша, при всей доброжелательности, зорко приглядывал за подопечным. Стоило Александру Александровичу засесть в туалете, как Паша начинал ходить кругами и в конце концов не выдерживал и стучал: — Ну что вы там? Живы! — Жив, жив, выхожу! — успокаивал его из-за двери Александр Александрович.

И когда он, случалось, засыпал перед телевизором, тот же Паша заходил из-за спины и проверял, прислушивался — дышит ли. А в телевизоре было немало интересного. Во-первых, реклама. В том числе, и не один раз, реклама загадочной фирмы ККК. Молодой человек в смокинге и дама в балльном платье предупреждали: «Только у нас! Товары и услуги на все вкусы», «вам предоставлен шанс, воспользуйтесь им!», «Скупой платит дважды» — и над всеми этими лозунгами возникали — то начертанные пером, то вкрадываясь из-за штор, звезды на ночном небе — три заветные буквы: К, К и еще раз К...

Во-вторых, случилась передача, в которой Александр Александрович увидел своего знакомого и, как бывает со всеми нами, захотел поделиться радостью узнавания с домашними, в данном случае с Пашей: — Иди! Смотри! На экране тележурналист, стройный симпатичный блондин с прибалтийским акцентом, интервьюировал знаменитого человека. Все, как обычно, ничего особенного, кроме того, что знаменитостью был Тимофей Тимофеевич — в роли представителя современного бизнеса, президента известного банка. — Как вы думаете, у вас есть враги? — спрашивал блондин. — Не сомневайтесь, — следовал ответ. — Друзья? — Хочу надеяться. — Ученики? — Предпочел бы, чтобы об этом сказали они сами. — Тимофей Тимофеевич, — не устал блондин, — нескромный вопрос: вы давно в бизнесе? — Нескромный ответ: давно, — отвечал находчивый Тимофей Тимофеевич. — Еще с тех времен, когда это предельно по закону? Злые языки называют вас чуть ли не руководителем тогдашней мафии.

— Тогдашняя мафия — это абсурд. — Вам пришлось побывать в заключении? — Недолго. — Как вы освободились? — По знакомству. — То есть? — В те времена знакомства и связи значили очень много. Я знал людей, которые, не имея ни гроша за душой, могли, в сущности, все. Как говорится, не имея сто рублей, а имея сто друзей. Сейчас это все труднее, время романтизма кончилось...

— Вы хотите сказать: не имея сто друзей... то есть наоборот? — Да, пожалуй что. — А вы — щедрый человек? — Спросите об этом других. — А могу ли я, скажем, одолжить у вас небольшую сумму порядка двух тысяч? — Надеюсь, с отдачей? — Спасибо, Тимофей Тимофеевич. Пошла опять реклама. Александр Александрович в помятом костюме, обросший, сидел перед телевизором с позорной неподвижностью, и Паша уже приглядывал к нему и даже на всякий случай прислушался и потрогал пульс.

Когда-то в похожей ситуации, тревожа за исчезнувшего супруга, Екатерина Ивановна обращалась к следственным органам. Настали другие времена: теперь на месте следователя сидел глубокомысленный молодой человек в борде, и перед ним лежала фотокарточка — Александр Александрович, улыбающийся, в шортах, с теннисной ракеткой в руке. И бородатый человек всматривался в нее, напрягши жилы на лбу, а Екатерина Ивановна, в свою очередь, вгля-

дывалась в бородатого — с вопросом и надеждой. — Мозамбик? Как вы сказали? — Мозамбик! Государство на юго-востоке Африки, в прошлом португальская колония, население африканцы банту, столица Мапуту, — и Екатерина Ивановна для верности показала на карте в географическом атласе.

Молодой экстрасенс внимательно посмотрел на карту, затем снова на Александра Александровича с ракеткой, прошелся по фотографии ладонью и сказал твердо: — Нет. В Мозамбике его нет, не вижу.

Паша притащил в сетке бутылки боржома. Это могло означать только одно: узник держал голодовку. Он лежал на диване, уже с бородой, свидетелем-вавшей о долгом заточении, и со взглядом, устремленным в бесконечность. На экране телевизора прыгали зверушки из мультфильма, сверкала реклама, и опять ККК. Но Александру Александровичу, нашему графу Монте-Кристо, не было никакого дела до всей этой праздной суесть.

— Пейте, — сказал Паша, но ответа не получил. — Хозяин сказал, что зайдет во вторник, сегодня у нас что? Вы пейте пока. — И даже поднес бутылку к его губам, пролив жидкость на бороду. — Может, побреемся?

Но и бриться Александр Александрович не пожелал. На лице его было написано: свобода или смерть. В двенадцатом часу ночи, выключив «Вести», сам Паша тоже отправился на покой. Спал он здесь же, на раскладушке; Александру Александровичу, как гостю, было предоставлено более удобное ложе. Перед тем, как улечься, Паша проверил входную дверь.

Все эти подробности, может быть, не имели бы значения, если бы не то, что должно последовать в дальнейшем. Среди ночи Александр Александрович осторожно встал, босиком — туфли в руках — прошел в ванную, здесь, не зажигая света, схватил полотенца, затем, все так же крадучись, пробрался на кухню и раскрыл окно.

Кроме полотенца пошла в ход простыня, судя по всему, давно приготовленная, пришлось ее надрезать, для этого годился кухонный нож, затем разорвать по длине, скрутить и связать узлом обе части, прибавить к ним полотенца. Граф Монте-Кристо действовал сноровисто и точно, в режиме рассчитанного риска, без паники, иногда лишь замирая и напрягая спух.

Оставалось привязать конец простыни к какому-то прочному предмету — то ли по эту сторону окна, то ли снаружи, и здесь наш беглец помыслился и выбрал наконец водосточную трубу, а для этого пришлось опасно балансировать, взобравшись на подоконник.

С безумством человека, поставившего на карту жизнь, но и с завидным проворством Александр Александрович, была не была, выпрыгнул из окна и повис на связанных простынях и полотенцах. — Что ж делать, так и совершаются побег.

Респектабельный, элегантный, в плаще по погоде, теперь еще и с ухоженной короткой бородой, возвращался Александр Александрович в эту сумбурную жизнь, готовясь продлить в ней свое существование. С тонкой папочкой в руке, с зонтиком, поскольку без машины, он вступал сейчас в знакомый московский двор, в его невзрачные недра, где в бедном флигеле, как мы помним, таилось современное компьютерное чудо под высшей Обществу любитель бега.

Но — что такое? Чуда не стало. На его месте громоздились обломки стен, груды небурного кирпича, строительный мусор. Бульдозер довершал свою работу.

Александр Александрович постоял здесь в скорбном молчании, как стоят на пепелище. Поднял с земли какой-то знакомый ему предмет. Отрывок афиш. Что там еще оставалось? Бульдозер трудился, сгребая все в кучу. Александр Александрович кивнул и ушел.

Департамент стоял на месте. Милиционер дежурил. Лифт работал. Доска объявлений в вестибюле — оставалась. И коридор тот же. И дверь приемной. И кабинет.

И пиджак, повешенный на спинку кресла.

Только — чужой пиджак, вот оно что. — Александр Александрович, это вы! — из-за спины голос секретарши.

Все та же любезная Анна Матвеевна, знающая порядок.

— А Сергея Сергеевича нет, он у Федора Федоровича на совещании. Подождете?

— Да-да, — сказал Александр Александрович, уходя.

Никто ничему не удивлялся.

Наша история подошла к финалу. На загородном шоссе торчали тут и там по обочинам уже прилежавшие столики с напитками, приглашая остановиться и утолить жажду, а то и прихватить с собой пару баночек пива или чего покрепче, на выбор. Продавцы терпеливо дежурили — кто здесь же, кто поодаль, в кустах, готовые выйти к тормозувшей машине.

Случались и такие, кто соорудил для себя тент, попросту зонтик, а для сиденья приспособил ящик или брезентовый раскладной стульчик — кто как.

Вот таким манером, с удобствами, расположился и продавец солидного возраста и вида, со шкиперской бородкой и в широкополой ковбойской шляпе. Набор напитков на его раскладном столике говорил сам за себя, не нуждаясь в рекламе. К нему же пристроился был столик как раз под дорожным знаком с цифрой 40 в красном кружке, то есть в таком месте, где хочешь не хочешь надо сбавить скорость, а там уж при желании и остановиться. И вот уже огромная фура с прицепом причалила к обочине.

Остальные мчались мимо, не останавливаясь, но все же иногда притормаживая, как предписывал знак.

Мчались «Жигули» всех возможных окрасов, мчались черные «Волги» с начальниками и белые с профессорами, и бесшумные иномарки, и инвалиды с таракхатскими моторами.

Проехал дипломатический лимузин с флажком — машина посла иностранного государства, и сам посол, расположившийся на заднем сиденье за занавеской, заинтересовался торговлей на обочине и велел, как мы сейчас видим, остановить и подать назад, а затем приоткрыл дверцу и, не выходя, осматривал столик. Но ничего не купил. И, что самое интересное, не узнал в продавце господина, с которым они еще недавно здоровались за ручку на приеме в посольстве. А ведь это был тот самый посол.

И журналистка Марина Олеговна тоже не узнала Александра Александровича. Ее вез на «Жигулях» пожилой мужчина в спортивной куртке и шапочке с козырьком.

Настал черед красной «Тойоты». Красная «Тойота» шла на приличной скорости, обходя другие машины, и шофер Леня ленивым жестом поднес корту пачку хороших сигарет, выдернул зубами и чиркнул зажигалкой. У столба под знаком получился небольшой зазор — здесь только что остановилась другая машина, притом на проезжей части, не съехав на обочину. Это чуть не привело к неприятностям для тех, кто шел следом, да и для нее самой. Леня, чертыхнувшись, притормозил и вывернул руль, готовясь втереться во второй ряд.

Вот в этот момент Александр Александрович и увидел все сразу: «Тойоту», Леню и справа от Лени — бывшего зятя Георгия Рубиновича. Они не остановились. Они, видимо, не нуждались в напитках, а может быть, купили их раньше, за километр, или купят позже. Они, скорее всего, и не узнали Александра Александровича, хотя за это нельзя поручиться. Когда Александр Александрович кинулся за ними, оклекая и зовя, было уже поздно: «Тойота» лихо вписалась в поик, выгнув хвостом. Александр Александрович еще бежал — и остановился, размахивая кулаком и крича вслед. Слов было не слышать. Что это были за слова? Что он там кричал!

Похуже, обещал, что еще вернется.

Полностью сценарий печатается в ближайшем номере журнала «Киносценарий».

Постановка фильма на студии «Ладого» объединения «Ленфильм» поручена Александру Калыгину.

А. Гребнев, В. Трегубович.

Фото Юрия Трунилова. Коллаж Марины Кошелевой.